ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

DOI: 10.31249/rsm/2023.01.15

Л.В. Ланник

РЕЦ. НА КН.: *ГУРНЫЙ М.* ВЕЛИКАЯ ВОЙНА ПРОФЕССОРОВ. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, 1912–1923 гг. СПБ.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2021. 414 с.

Аннотация. *Перевод книги ведущего польского специалиста закрывает одну из крупных лакун в отечественной историографии интеллектуальной истории эпохи Первой мировой войны. На новом для российского читателя восточноевропейском материале раскрываются многие страницы ведшейся европейскими интеллектуалами «войны профессоров», породившей и закрепившей на будущее множество опасных стереотипов в ряде общественных наук.*

Ключевые слова: *Первая мировая война; 1912–1923 гг.; Польша; геополитика; антропология; военная психиатрия; национализм; агитация.*

Леонтий Владимирович Ланник – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
Россия, Москва.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
WoS Researcher ID: ABD-9832-2020
Scopus Author ID: 57211606261

Lannik L.V. **Review of** ***Górny M.*** **The Great War of Professors. The Humanities, 1912–1923. St. Petersburg: European University Press, 2021. 414 p.**

Abstract. *A translation of the book by a leading Polish specialist closes one of the major gaps in the Russian historiography of the intellectual history in the era of World War I. The Eastern European material new to the Russian reader reveals many details of the «war of professors» waged by European intellectuals, which generated and entrenched many dangerous stereotypes in a number of social sciences.*

Keywords: *First World War; 1912–1923; Poland; geopolitics; anthropology; military psychiatry; nationalism, agitation.*

Leontiy Lannik – Institute of World History, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
WoS Researcher ID: ABD-9832-2020
Scopus Author ID: 57211606261

Мацей Гурный является одним из ведущих специалистов по истории «Более Великой войны», продолжавшейся в Восточной Европе – согласно концепции, развиваемой в первую очередь польскими специалистами, – с 1912 по 1923 г. Он стал одним из соавторов базовой для нового поколения польской историографии (и почти немедленно вышедшей и на немецком языке [Borodziej W., Górny M. 2018]) работы. Предложенная концепция к началу 2020-х годов стала одной из основных и для коллег из других стран Восточной Европы [см., напр.: Central and Eastern Europe 2021]. На русский язык одна из положенных в основу нового взгляда на историю Великой войны работ переводится впервые. Она открывает российскому читателю не просто забытую, а фактически неизвестную главу в истории эпохи. Не вдаваясь в хорошо известные особенности исторической памяти о Первой мировой войне в России и на постсоветском пространстве, следует признать, что в этом повинны не только долго действовавшие политические ограничения, но и в принципе недостаточно широкая постановка проблемы. Профессор М. Гурный констатирует (с. 15–19, 144), что для европейской науки его тема не нова, однако исследования на этом поле существенно замедлились либо сдвинулись на периферию с 1990-х годов, когда смена парадигм нанесла серьезный удар по целому ряду традиционных и успешно развивавшихся десятилетиями направлений, включая «чистую» военно-политическую историю. Тема «войны профессоров» позволяет успешно использовать современные тенденции в исследовании немилитаризованных аспектов тотальной войны как социального явления в создании целостной версии «изобретения Восточной Европы», в котором Великая война в ее традиционных рамках стала лишь наиболее масштабным, но далеко не единственным этапом.

Издание сопровождается должным научно-справочным аппаратом, убеждающим в глубокой фундированности труда. Исследование получилось по-настоящему транснациональным за счет работы автора в различных научных центрах Восточной Европы и знакомства с профильной литературой по меньшей мере на пяти-семи языках (но, к сожалению, не на русском (не считая публицистики), что для исследования с такой фокусировкой, в том числе на Царстве Польском, выглядит странно). Небольшой набор иллюстраций существенно повышает уровень наглядности излагаемых автором проблем. Уровень перевода следует признать достаточно высоким, не считая нескольких

недочетов терминологического характера (вроде калькированной «Миттель-Европы»), не влияющих на общую смысловую корректность.

По ходу изложения автор последовательно затрагивает многие (если не все) болезненные и давно детерминируемые эмоциональными клише проблемы истории наций и национализма в бурную эпоху трансформации Восточной Европы. Во многих отношениях М. Гурный задает новую – в том числе для отечественной историографии – этическую планку подхода к вопросам, где история оказывается бессильна освободиться от публицистики. Автор отказывается от ложно понятой политкорректности и зон умолчания вместо ответов, рассуждая – совершенно вразрез с принятыми стереотипами, в том числе о Холокосте. При этом он подчеркивает пределы возможного и верифицируемого в исследовании избранной им темы, дистанцируется от столь знакомого историкам многих стран уверенного диктата окончательных приговоров и назначения конкретных виновных за типовые и массовые явления, не имеющие национальной окраски. Структура книги экономна (шесть глав), снабжена эффектными заголовками и тщательно сбалансирована по объему и принципам изложения смежных сюжетов.

В первой главе, во многом являющейся вступительной, автор рассматривает длительную предысторию многих псевдонаучных концепций и стереотипов, прошедших основной этап оформления лишь в годы Первой мировой войны. Без излишней детализации, но вполне наглядно демонстрируются различные составляющие этих «гипотез», в том числе оперирование целым рядом дискурсов (включая не только расово-антропологический, но и половой), к началу XX в. находившихся в стадии первичной дифференциации и терминологического становления. Многие из упоминаемых авторов, в основном из Западной Европы, хорошо знакомы российскому читателю, однако М. Гурный добавляет к этому набору еще несколько любопытных примеров из Восточной Европы. В ходе компактного экскурса польскому исследователю удается показать широкую палитру предпосылок, вполне достаточных для того, чтобы последовавший с августа 1914 г. взрыв шовинизма и пропагандистского угара, быстро перешедший границы абсурда в серии «национальных» образов и утверждений, уже невозможно было считать внезапным или списывать его исключительно на военный психоз. Поистине гомерические масштабы это явление могли и обязаны были принять именно в Восточной Европе, не имевшей оформленных национальных границ. Сказывалась неготовность даже локальных элит принимать более сложные модели восприятия региона, нежели устоявшуюся картину из трех империй и в лучшем случае еще одного государства, существование которого вне зависимости от нежелательности этого сразу для всех имперских акторов следовало иметь в виду, т.е. Польши. Бросается в глаза чрезвычайная скупость автора в выводах, в том числе об уникальности восточноевропейского полигона для рассматриваемых им процессов, которая едва ли

может быть оправдана даже обзорным характером первой главы. Достаточно лишь указания на то, что М. Гурный – по-видимому, сознательно – полностью уклонился от рассмотрения воздействия на общественное мнение Германии, Австро-Венгрии и России Балканских войн (за исключением одной фразы на с. 94), хотя именно этот этап огромной трагедии дал решающий импульс многим из рассматриваемых им явлений в интеллектуальной сфере.

Во второй и самой крупной главе, имеющей центральное значение для соблюдения фактурных рамок этой книги – о более Великой войне, но по возможности без освещения ее военно-политического содержания, – М. Гурный демонстрирует спектр каналов информации, возымевших с началом войны кумулятивный эффект. Это способствовало превращению войны в поистине тотальную, вопреки подавляющему большинству ожиданий и прогнозов, в том числе в самых интеллектуальных кругах. На протяжении около сотни страниц автору удается показать динамику «обработки» подбрасываемых ходом военных кампаний в различных регионах поводов к конструированию все новых интеллектуальных заблуждений с национальной окраской. Важно, что книга Гурного призвана дать очередной, но всегда недостаточный, импульс международной историографии Великой войны к преодолению ее гротескной западноцентричности. По ходу изложения автор плавно переходит от одного регионального и / или национального примера к другому, не только давая палитру особенностей шедших в Восточной Европе войн исторической памяти, но и подробно останавливаясь на особенно острых двусторонних конфликтах (сербо-болгарском, чешско-немецком, украино-польском и т.д.). Наглядно показано, как необходимость наблюдения и первичного анализа неблагоприятных для военных машин проявлений быстро и не всегда осознанно сменялась «изобретением» причин этих явлений, достаточно произвольно возводимых к любым удобным «аргументам», найденным во времени и пространстве. Характерно, что конструировались мифы не только негативные о других, но, что неизбежно и логично, позитивные о себе. Они оказались тем более востребованными, что разделенные государственными границами нации теперь с трудом открывали свое единство, порой удивляясь резким отличиям у своих же соплеменников из другого имперского пространства. И потому польский материал (см., напр.: с. 127–136 и далее) предоставляет автору особенно удачные примеры, ценность которых тем более высока, что они плохо известны и российской и вообще любой непольской историографии. Здесь остается лишь пожалеть, что в книге нет хотя бы минимальных биографических справок на упоминаемых интеллектуалов и публицистов Восточной Европы, которые позволили бы составить более целостное представление об их идейном наследии. Это, однако, скорее проблема кругозора отечественного читателя, нежели существенный недостаток авторского текста.

Три последующих главы, с третьей по пятую, представляют собой детализацию намеченных выше тезисов и анонсированных сюжетов о конкретных проявлениях «войны духа» в сфере естественнонаучных, социально-экономических и гуманитарных дисциплин. М. Гурный без излишней эмоциональности и почти иронично показывает, как вполне академические исследования по вроде бы столь «объективной» географии становились платформами для размашистых домыслов и произвольных допущений любого порядка, но в обязательном соответствии с желаемой политической конъюнктурой. Грань между геополитикой и географией именно в годы Великой войны была стерта если не навсегда, то весьма основательно и необратимо, уже на стадии первичной апробации теорий Р. Челлена и его последователей. Автор не ставил своей задачей типологизацию или перечисление базовых манипуляций статистикой, визуальными средствами ее подачи и манерой подбора аргументов в экспертных спорах по территориальным вопросам. Однако спектра приведенных им примеров ярко выраженного национально-мифотворческого характера достаточно.

В четвертой главе М. Гурный переходит к расцвету антропологических исследований в годы Великой войны, вызванному не только политическим заказом, но и беспрецедентными возможностями масштабных исследований на доставленном не по своей воле «материале», т.е. на военнопленных, интернированных, а также на жителях территорий, оказавшихся под оккупацией на долгие годы. Не все наблюдения автора кажутся бесспорными (например, о преобладании в Германии интереса к исследованиям не российских народов, а в основном к бойцам колониальных частей британской и французской армий, с. 210), однако и на этом – куда более чувствительном – поле М. Гурному удается соблюсти баланс в иллюстрировании соответствующих страниц истории «войны духа», различного уровня и обоснованности открытий и базовых тенденций, проявленных в анализе нового огромного массива данных, оказавшегося в распоряжении антропологов (в том числе любительского уровня) разных стран. При расцвете исследований по истории военнопленных за последние 20 лет тема использования попавших в плен в (около) научных, а затем и в откровенно военно-политических целях могла бы стать центральной в исследовании. Тем важнее было бы автору обратиться к институциональным вопросам проведения этих исследований, особенно в Германии и Австро-Венгрии, что прямо подталкивает к теме «интеллектуалов в погонах». Разумеется, изучение «национальных акций» в лагерях военнопленных, где их «сортировали», насаждая под антиимперскими лозунгами утраченную (или сконструированную интеллектуалами) новую идентичность, вывело бы автора к еще одному сложному вызову – вопросу о роли интеллектуальных манипуляций в становлении новых государств Восточной Европы, так что взятые М. Гурным риски возросли бы многократно. Наконец, из размышлений о том, сколь неоднозначным

было порой сочетание искреннего научного интереса и вполне прагматической службы военно-политическим интересам родины, возникает еще один сюжет: о «войне духа» в полевых условиях, особенно на далекой периферии, на османских фронтах в Передней Азии, на Кавказе и даже на Среднем Востоке и в Египте. Ряд интереснейших работ, которые могли бы поставить вопрос и о написании еще одной главы, уже об археологии как поле битвы в «войне духа», в мировой историографии уже есть, а некоторые из них вышли и к 2014 г., когда М. Гурный дописывал свою книгу [см., напр.: Kreutzer 2012; Krug 2020]. Правда, в последнем аспекте было бы сложнее найти собственно польский материал, однако это едва ли должно было останавливать автора, широко использующего немецкоязычную литературу и работающего в Берлине.

Не менее сложной и психологически рискованной является и пятая глава, где рассматривается чрезвычайно эффектный, но едва ли не более трагический расцвет психологии и психиатрии, специфически воспринятых через призму военных нужд. Именно здесь сочетание предвзятости, пропагандистских образов, десятилетиями копившихся заблуждений самого опасного толка стало наиболее пугающим. Вовсе не стремясь шокировать читателя, М. Гурный приводит лишь некоторые из одиозных примеров «академических» выводов, однако их достаточно, чтобы убедиться в том, насколько легко даже высший из доступных уровней образования может сочетаться с полным провалом критического мышления и уязвимостью к гротескным иллюзиям, в том числе собственного сочинения. «Невыученность уроков» Великой войны ни в Восточной Европе, ни за ее пределами стала одним из грозных анонсов трагических явлений Второй мировой, до сих пор ошибочно ассоциируемых исключительно с перипетиями 1939–1945 гг. или лишь с серией фашистских и нацистских режимов в ряде европейских стран. Автор подводит читателя к такому выводу (с. 296), не желая чрезмерно заострять вопрос там, где это грозит новым приступом «войны духа» – уже между его читателями.

В шестой главе М. Гурный вновь обращается к корням исследуемых явлений, уходящим в середину XIX в., что, возможно, представляет собой приглашение исследователей к экстраполяции исследования проблемы на ином историческом материале. Глава носит во многом итоговый характер, дополняя заключение, где автор смещается, наоборот, не в прошлое, а в настоящее, подходя к проблемам истории XXI в. и язв уже современной историографии, подозрительно напоминающие явления столь наглядно продемонстрированные выше на примерах вековой, а то и полуторавековой давности. Именно здесь предельно компактно (менее восьми страниц текста) затрагивается проблема закономерности, типичности и параллельности, а то и почти механической неизбежности многих крайне негативных явлений, сопровождающих науку как социальное явление, а различные академические сообщества – как структурированный элемент таковой. Заключение задает образец аналитического

подхода и конструктивного абстрагирования от нюансов любого уровня конфликтности ради познания и преодоления того, что так сопровождает науку, будучи с нею этически и рационально несовместимо.

С изложенными в предисловии к русскому переводу тезисами М.Б. Могильнер можно только солидаризоваться, так что остается лишь дополнить их несколькими соображениями из сферы не интеллектуальной, а военно-политической истории (при всех оговорках об учете приоритетов авторского изложения). Необходимость этого становится очевидной с первой же фразы основного текста, демонстрирующей явление, характерное для подавляющего большинства гуманитарных исследований: автор не только сознательно, но и неосознанно разделяет с предметом исследования многие его черты. Именно поэтому книга М. Гурного могла бы показаться безусловно надрегиональной лишь польскому читателю. Любому другому очевидна ее относительная и естественная, но явная полоноцентричность. И это не является недостатком, однако на фоне избранного заглавия сразу же задает базовые рамки всего изложения: от отбора материала до тематической и пространственной ориентации выводов, затрагивающей именно и только те проблемы, что наиболее болезненны для Польши, но в куда меньшей степени для Центрально-Восточной Европы в целом. Следует оговориться, что М. Гурный в куда меньшей степени, чем западноевропейские коллеги, подвержен грубым фактическим ошибкам в событийной стороне истории макрорегиона [см., напр.: Ланник 2019], хотя некоторые неточности бросаются в глаза и в его тексте. Например, он крайне напрасно полагает германского генерала от кавалерии Ф. фон Бернгарди, известного своей воинственной публицистикой, «литератором»… (с. 75). Однако искажение при анализе может быть вызвано не только неточностью в датах или цифрах, но и произвольно избранной рамкой рассмотрения. Желание автора не сводить свои исследования к национальной перспективе следует признать в методологическом отношении единственно верным. Недавнее появление выдающихся работ по истории Польши в годы Великой войны [см., напр.: Pierwsza niemiecka okupacja 2019; Stempin 2020] демонстрирует не только плюсы case-studies, но и острую необходимость в наднациональных и компаративных исследованиях, однако ставя перед собой именно такую задачу автору следовало бы приложить больше усилий к выходу за привычные рамки, не сбивая себя с толку аргументами в пользу уникальности и наибольшей важности именно польских сюжетов, в том числе в избранных им аспектах.

Однако если уж автору угодно подчеркивать уникальность места и роли Польши, то при должной последовательности ему это не составило бы труда, особенно в главе четвертой, где рассматривается роль интеллектуалов в конструировании «национальных» границ. Ведь именно Вторая Речь Посполитая оказалась государством, почти каждый участок предполагаемых рубежей которого являлся предметом ожесточенной полемики вокруг национального

состава населения и исторических прав соседствующих наций. Достаточно бегло упомянутые автором примеры таких территорий (с. 185–190) представляют собой далеко не исчерпывающий ряд. Так что помимо Холмщины, Восточной Галиции, Верхней Силезии, Позена следовало бы не забыть о Виленщине, о Сувалкии, о проблеме польской восточной границы на всем ее протяжении от Даугавы до Карпат. Отрадная готовность М. Гурного признать системные искажения и манипуляции со стороны Э. Ромера – сопровождающаяся сопоставлением с аналогичными «заслугами» И. Цвиича, П. Телеки, С. Рудницкого и др. – выиграла бы при переходе к более целостным выводам, которые бы не оставили места иллюзиям о наличии у этих профессоров «строгой приверженности фактам» (с. 198). Истинный масштаб произвола в изобретении границ, причем именно Польши, продемонстрировать вполне возможно. Это было убедительно продемонстрировано Б. Конрадом в работе, вышедшей одновременно с книгой М. Гурного, но не упомянутой последним ни разу [Conrad 2014]. Характерно, что не использована ни одна статья Б. Конрада, что несколько снижает общее крайне высокое впечатление от фундированности работы.

Высказанные замечания лишь подчеркивают перспективность представленной автором панорамы по действительно актуальнейшей проблеме, которая поэтому и подталкивает к постановке новых вопросов и развитию исследований по смежным направлениям. Можно только приветствовать выход в свет перевода книги такого уровня и тем более на такую тему в современной России. Борьба со стереотипами возможна лишь при условии аналитического к ним подхода и возможности опереться на широкую панораму различных картин мира, в том числе национально и исторически-эмоционально окрашенных. Главный вывод книги – о неуникальности пресловутой концепции Lebensraum и ее типичности для многих национальных научных школ – совсем недавно мог бы показаться тривиальным. Однако тем более высоко следует ныне оценить гражданское мужество автора, давшего образец того, насколько гуманитарная профессура способна не продолжать Великую войну, а, наконец, перейти к ее все более рациональному анализу.

Библиография

Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки, 1912–1923 гг. / Пер. с пол. Н.С. Поляковой, науч. ред. Б.И. Колоницкий. СПб.: Издательство Европейского университета, 2021. 414 с.

Ланник Л.В. Рецензия на: Gerwarth R. Die Besiegten: das blutige Erbe des Ersten Weltkriegs / aus dem Engl. A. Weber. München, 2018. // Recensio Moskau 2019–10. URL: https://perspectivia.net/receive/pnet_mods_00002332 (дата обращения: 26.12.2022).

Borodziej W., Górny M. Der vergessene Weltkrieg. Europas Osten 1912–1923: 2 Bde / aus dem Poln. von B. Hartmann. Darmstadt, 2018.

Central and Eastern Europe after the First World War / ed. by B. Olschowsky, P. Juszkiewicz, J. Rydel. B.; Boston, 2021.

Conrad B. Umkämpfte Grenzen, umkämpfte Bevölkerung. Die Entstehung der Staatsgrenzen der Zweiten Polnischen Republik 1918–1923. Stuttgart, 2014.

Kreutzer M.S. Dschihad für den deutschen Kaiser. Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918). Graz, 2012.

Krug S. Die «Nachrichtenstelle für den Orient» im Kontext globaler Verflechtungen (1914–1921). Strukturen – Akteure – Diskurse. Bielefeld, 2020.

Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918 / red. G. Kucharczyk. Warszawa, 2019.

Stempin A. Das vergessene Generalgouvernement: die deutsche Besätzungspolitik in Kongress-polen 1914–1918. Paderborn, 2020.

References

Borodziej W., Górny M. Der vergessene Weltkrieg. Europas Osten 1912–1923: 2 Bde / aus dem Poln. von B. Hartmann. Darmstadt, 2018.

Central and Eastern Europe after the First World War / ed. by B. Olschowsky, P. Juszkiewicz, J. Rydel. B. Boston, 2021.

Conrad B. Umkämpfte Grenzen, umkämpfte Bevölkerung. Die Entstehung der Staatsgrenzen der Zweiten Polnischen Republik 1918–1923. Stuttgart, 2014.

Górny M. Velikaja vojna professorov. Gumanitarnye nauki, 1912–1923 gg. [The Great War of Professors. The Humanities, 1912–1923]. Per. s pol. N.S. Poljakovoj, nauch. red. B.I. Kolonickij. St. Petersburg: European University Press, 2021. 414 p.

Kreutzer M.S. Dschihad für den deutschen Kaiser. Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918). Graz, 2012.

Krug S. Die «Nachrichtenstelle für den Orient» im Kontext globaler Verflechtungen (1914–1921). Strukturen – Akteure – Diskurse. Bielefeld, 2020.

Lannik L.V. Review on: Gerwarth R. Die Besiegten: das blutige Erbe des Ersten Weltkriegs / aus dem Engl. A. Weber. München, 2018. Recensio Moskau 2019–10. URL: https://perspectivia.net/receive/pnet_mods_00002332 (date of access: 26.12.2022). (In Russ.)

Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918 / red. G. Kucharczyk. Warszawa, 2019.

Stempin A. Das vergessene Generalgouvernement: die deutsche Besätzungspolitik in Kongress-polen 1914–1918. Paderborn, 2020.